

Веро Эспехо

Другой
разговор

Веро Эспехо

Другой разговор

<https://litres.ru/74483699>

SelfPub; 2026

Аннотация

Художественные зарисовки с научными вставками

У каждого из нас есть внутренний переводчик — он берёт сигналы из внешнего мира и превращает их в реальность. У большинства переводчик работает примерно одинаково. У героев этой книги — иначе.

Не хуже. Не лучше. Иначе.

Пятеро. Программист с советом директоров в голове — три голоса, имена, твёрдые взгляды на осанку и геополитику. Художница, которая видит чужую тревогу серо-зелёным, а пятничное утро — тёплым оранжевым. Человек, приехавший в больницу в восьмой раз и знающий, что гречка по вторникам всегда пересолена. Девятнадцатилетняя, пришедшая сама — впервые, без конвоя. И заслуженный инженер, у которого шизофрения с сорока лет, методология — с пятидесяти двух, а внучка Маша приходит по субботам и задаёт правильные вопросы.

Это не книга о болезни. Это книга о восприятии. О том, что восемьдесят миллионов человек видят мир иначе — и каждый их мир настоящий.

— Читается легко. Думается долго. Значит, вы поняли книгу правильно.

Веро Эспехо

Другой разговор

ДРУГОЙ РАЗГОВОР

Книга о людях, которые видят мир не так, как все

Художественные зарисовки с научными вставками

Норма — это просто большинство голосов. Но большинство голосов иногда ошибается. Спросите историю.

О КНИГЕ

Это не книга о болезни. Это книга о восприятии.

У каждого из нас есть свой внутренний переводчик — он берёт сигналы из внешнего мира и превращает их в реальность. Цвета, звуки, лица, смыслы. У большинства людей переводчик работает примерно одинаково, поэтому они договорились называть результат его работы «нормой».

У героев этой книги переводчик работает иначе.

Не хуже. Не лучше. *Иначе.*

Иногда это мешает жить. Иногда это даёт то, чего нет у других — особую остроту восприятия, связи между вещами, которые обычный мозг не замечает, способность видеть паттерны там, где другие видят хаос. Иногда одно и то же каче-

ство является одновременно даром и мучением — в зависимости от дня недели, дозы таблеток и настроения соседа по палате.

Героев в этой книге пятеро.

Все они реальны — в том смысле, что составлены из реальных опытов, реальных описаний, реальных слов людей с шизофренией, которые писали о своём мире в дневниках, интервью, мемуарах и на форумах в три часа ночи, когда спать невозможно, а говорить не с кем.

Все имена вымышлены. Все истории — правда.

ГЕРОИ

Миша, 34 года. Бывший программист. Голоса появились в двадцать шесть — сначала один, потом трое, потом целый совет директоров, который собирается у него в голове каждое утро в восемь ноль-ноль и имеет очень определённые взгляды на то, как Мише следует проводить день. Миша с ними не всегда согласен. Иногда они спорят часами. Миша обычно проигрывает, но не всегда.

Катя, 28 лет. Художница — или была ею, до того как мир стал слишком громким. Видит цвета там, где другие их не видят: у звуков, у чисел, у людей. Чужая злость — тёмно-оранжевая, почти коричневая. Тревога — серо-зелёная, как старая медь. Это называется синестезия, и это не шизофрения, но у Кати есть и то и другое, и они живут внутри неё

как две соседки в коммуналке — иногда ладят, иногда нет.

Антон, 52 года. В больнице уже в восьмой раз. Знает персонал по именам, знает распорядок наизусть, знает, что столовская гречка по вторникам всегда пересолена. Снаружи убеждён, что за ним следят. Внутри — что ему просто нужно немного поспать и чтобы перестали менять мебель в его квартире, пока он здесь.

Соня, 19 лет. Первый раз в больнице. Первый раз вообще. Пришла сама — это важно, потому что так делают не все. Ещё не знает, что с ней происходит, но точно знает, что то, что она видит по ночам, не должны видеть другие люди. По крайней мере, они так говорят.

Виктор Семёнович, 67 лет. Заслуженный инженер, отец троих детей, дедушка пятерых внуков. Шизофрения у него с сорока лет, но диагноз поставили в пятьдесят два. До этого все думали, что он просто «со странностями». В каком-то смысле они были правы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ГОЛОСА

ГЛАВА 1: СОВЕТ ДИРЕКТОРОВ

Голосов у Миши трое, и у каждого есть имя.

Первый называется Геннадий Аркадьевич. Он появился раньше всех — ещё в институте, на третьем курсе, в сессию.

Тогда Миша думал, что это просто внутренний критик — у всех же есть внутренний критик? Геннадий Аркадьевич говорил примерно то, что говорят все внутренние критики: «ты не успеешь», «ты недостаточно умный», «вот Серёга из соседней группы уже всё сдал». Стандартный репертуар.

Потом Миша понял, что внутренние критики обычно не комментируют, как именно ты жуёшь завтрак.

— Ты опять жуёшь на правую сторону, — сообщил Геннадий Аркадьевич в одно октябрьское утро. — Это создаёт асимметричную нагрузку на челюстной сустав. Я читал статью.

— Где ты читал статью? — спросил Миша вслух, потому что в квартире он был один и стесняться было некого.

— Не важно где. Важно что.

Второй голос появился через два года и назвался Людмилой. В отличие от Геннадия Аркадьевича, Людмила была в целом настроена доброжелательно, но имела привычку давать советы в самый неподходящий момент. Например, во время собеседований на работу.

«А ты спроси про отпуск», — шептала Людмила, пока HR-менеджер рассказывала о корпоративной культуре. — «Сразу спроси, сколько дней отпуска. Это важно. И про больничные».

— Людмила, не сейчас, — думал Миша.

— Потом забудешь.

— Не забуду.

— В прошлый раз забыл.

Это была правда. В прошлый раз он забыл.

Третий голос появился позже всех и был самым загадочным. Он не представился и на вопросы о имени отвечал только «неважно». Говорил редко, но когда говорил — это было что-то значительное. Например: «Обрати внимание на этого человека» — и Миша обращал внимание, и оказывалось, что человек действительно важен. Или: «Не садись в эту маршрутку» — и маршрутка ломалась через два квартала.

Миша называл его Третий и немного побаивался, но уважал.

Психиатр Инна Валерьевна, которая вела Мишу последние четыре года, знала про всех троих.

— Геннадий Аркадьевич сегодня как? — спрашивала она на приёме.

— Активный, — говорил Миша. — Высказывался о моей осанке, о том, что я слишком долго смотрю в телефон, и о геополитической ситуации.

— А Людмила?

— Просила напомнить вам, что у меня заканчивается рецепт.

Инна Валерьевна улыбалась и выписывала рецепт.

— Она права, кстати.

— Я знаю, — говорил Миша. — Она почти всегда права. Это немного раздражает.

Что такое голоса на самом деле?

Короткий научный отступ, обещанный в предисловии.

Слуховые галлюцинации при шизофрении — это не метафора и не выдумка. МРТ-исследования показывают: когда человек слышит голоса, активируются те же зоны мозга, что и при реальном восприятии речи. Для мозга голоса — настоящие. Не «кажется», не «придумывает». Настоящие.

Около 70% людей с шизофренией слышат голоса. Среди них примерно треть — голоса комментирующие (как Геннадий Аркадьевич), треть — командующие, треть — разговаривающие между собой о человеке в третьем лице, как будто он экспонат в музее.

Интересный факт: в разных культурах голоса ведут себя по-разному. Исследования показали, что в США голоса чаще агрессивны и незнакомы. В Индии и Африке — чаще знакомы и иногда дают полезные советы. Культура, оказывается, влияет даже на галлюцинации.

Геннадий Аркадьевич, по всей видимости, сформировался под влиянием отечественной традиции.

В тот день, с которого начинается эта история, Миша сидел в приёмном покое психиатрической больницы номер семь и ждал, пока медсестра найдёт его карточку.

Он пришёл сам. Это тоже важно.

Не потому что стало плохо — плохо бывало и хуже. Просто Геннадий Аркадьевич последние три дня говорил без остановки, Людмила начала перебивать Геннадия Аркадьевича, а Третий молчал уже неделю, что всегда означало что-то, хотя Миша не мог точно сказать что.

— Вам плохо? — спросила женщина рядом. Лет пятьдесят, в вязаной кофте, с хозяйственной сумкой. Совершенно обычная — такие обычно сидят в очереди в поликлинике, а не здесь.

— Нет, — сказал Миша. — Просто корректировка.

— А, — сказала женщина. — Я тоже на корректировку. Антон мой привёз, — она кивнула на мужчину у окна, который смотрел в телефон с видом человека, привёзшего жену на корректировку уже достаточно много раз, чтобы знать, что телефон — лучшее, что можно делать в такие моменты. — Он у меня терпеливый.

— Это хорошо, — сказал Миша.

— Главное, что понимает, — сказала женщина. И, немного подумав: — Не всегда понимает. Но старается.

Миша кивнул. Он знал, что она имеет в виду.

За окном шёл дождь. Геннадий Аркадьевич молчал — редкое явление, которое Миша научился ценить так же, как ценят неожиданный выходной.

— Меня Миша зовут.

— Антонина Степановна. Тоня.

Они помолчали — вполне комфортно, как умеют молчать

люди, которым не нужно объяснять друг другу, зачем они здесь.

ГЛАВА 2: ЦВЕТ ТРЕВОГИ

Катина тревога была серо-зелёной.

Не метафорически — буквально. Когда тревога нарастала, воздух вокруг начинал приобретать этот оттенок, особенно по краям вещей, особенно у углов комнаты, особенно когда звонил телефон.

Телефон звонил сейчас.

Катя смотрела на него с дивана и видела, как от него расходится серо-зелёное марево, пульсирующее в такт вибрации. Номер был незнакомый — незнакомые номера всегда серо-зелёные. Знакомые люди имели свои цвета: мама была тёплым жёлтым с рыжиной, подруга Вера — голубым, почти бирюзовым, врач Инна Валерьевна — спокойным серым, как хорошая осень.

Катя взяла трубку.

— Добрый день, вас беспокоит страховая компания...

Она нажала отбой. Серо-зелёное марево немного рассеялось.

Синестезия у Кати была с детства — она помнила, как в первом классе сказала учительнице, что цифра семь синяя, а восемь — коричневая, и учительница позвонила маме. Мама отвела её к детскому психологу. Психолог сказал, что это

вариант нормы, называется синестезия, у многих художников так бывает, ничего страшного.

Шизофрения появилась позже. В двадцать три года, как будто дождалась своей очереди.

Она не появилась резко — не было одного момента, после которого всё изменилось. Просто мир начал накапливать лишнее. Слишком много цветов у звуков. Слишком много смыслов у случайных фраз. Слишком много связей между вещами, которые, по мнению большинства, не были связаны.

В метро объявления по громкоговорителю были красными. Красный — это предупреждение, это важно, слушай. Катя начала слушать слишком внимательно и нашла в стандартных объявлениях про «осторожно, двери закрываются» систему. Не сразу, не вдруг — постепенно, как складывается пазл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.